

Литература

1. Hutterer C.J. Über die Möglichkeit einer historischen Typologie der germanischen Sprachen // Theoretical problems of typology and the Northern Euroasian languages. Budapest, 1970.
2. Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений в германских языках: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1978.
3. Москальская О.И. Типология системы падежей // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977.
4. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
5. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965.
6. Гухман М.М. Соотношение словоизменительных грамматических категорий и типология языка // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. М., 1975.
7. Жукова Н.С. Языковая избыточность в синхронном и диахронном аспектах (на материале немецкого и русского языков) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: гуманитарные науки (филология). 2006. Вып. 6.
8. Жукова Н.С. Системная соотнесенность некоторых явлений в морфологии немецкого глагола // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: гуманитарные науки (филология: индоевропейские и сибирские языки). 2005. Вып. 4.
9. Парамонова Н.Г. Морфосинтаксис прилагательного в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
10. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
11. Булыгина Т.В. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
12. Ермолаева Л.С. О принципе историзма в грамматических описаниях // Сб. научн. тр. Моск. гос. пед. ин-та иностранных языков им. М. Тореза. М., 1981. Вып. 170.
13. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
14. Пронина Т.А. Грамматический статус категории лица и числа в современных германских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
15. Самойленко С.П. Супплетиви української мови // Українська мова в школі. 1981. № 2.
16. Пальяк И.Л. О трактовке явления супплетивизма индоевропейских языков в последние два столетия, преимущественно в русской и немецкой лингвистике // Труды по русской и славянской филологии. Учен. записки Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 104.
17. Конечная В.П. Супплетивизм в германских языках. М., 1979.
18. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л., 1956.
19. Жукова Н.С. Глагольная подсистема немецкого языка в различные периоды его развития // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (филология: индоевропейские и сибирские языки). 2005. Вып. 4.
20. Ярцева В.Н. Развитие грамматического строя языка и проблема архаизмов // Проблемы современной филологии: Сборник статей к 70-летию акад. В.В. Виноградова. М., 1965.
21. Горбачевский А.А. К вопросу о путях возникновения супплетивных форм в славянских языках. Душанбе, 1967.
22. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1974.
23. Бархударов Л.С. К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем (на материале глагола в английском и французском языках) // Вопр. языкознания. 1966. № 4.
24. Бархударов Л.С. О симметрии грамматических систем (на материале глагольных систем в английском и французском языках) // Тезисы научной конференции «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка». М., 1965.

Т.Ю. Казанцева

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕННЫХ ОСНОВ ГОТСКОГО ЯЗЫКА С КОНСОНАНТНЫМИ ФОРМАНТАМИ

Северская государственная педагогическая академия

Склонение существительных в зависимости от основообразующего форманта, будучи архаичным в индоевропейских языках, обнаруживает связь с категорией одушевленности/неодушевленности не только посредством семантического состава имен, формирующих каждую группу, но также и по ряду формальных признаков.

Как и в других древнегерманских языках, в готском языке принцип деления по основам сосуществует с делением по родам. Бывшие немаркированные основы по принципу рода сосредотачивают в своих склонениях большое количество одушевленных имен. Естественно, что лексическое значение существительных в какой-то мере отражает былое

индоевропейское состояние, когда к одушевленным именам относилось все живое, растущее, а также социально значимые вещи. Поэтому лексический состав реликтовых склонений является одним из важнейших факторов при выяснении роли и значения основообразующих формантов. По логике вещей, основообразующие форманты стали формальными показателями склонений лишь с течением времени. Первоначально формативы основ не были безразличны к семантике существительных и присоединялись только к определенным именам, выделяя их среди остальных. Мысль Г.А. Климова о том, что свойство активных или одушевленных имен приобретать суффиксы неотторжимой принадлежности, согласуется с мыслью О.А. Осиповой о том, что основообразующие форманты (суффиксы) появляются с потребностью выделить определенный класс слов [1, 2]. Таковыми маркерами, несущими сему одушевленности, являются готские форманты *-n-*, *-j-*, *-w-*, которые входят в состав сложных основообразующих формантов: *-ja-*, *-jō-*, *-jan-*, *-jōn-*, *-wa-*, *-wō-*, *-wan-*, *-wōn-*.

Сложность образования именных основ зависит от разнообразия сравнительно небольшого числа первичных элементов. В основообразующих формантах *-ja-*, *-jō-* элемент *-j-* выступает первичным, от которого зависит характер данных формантов.

Поскольку индоевропейский *j* (согласное *i*) представляет согласную форму, то элемент *-j-* можно отнести к консонантным. В нашем исследовании основообразующие форманты *-ja-*, *-jō-* трактуются как сложные, а не просто варианты *a-*, *ō-* основ, как принято считать в научной литературе [3, с. 78; 4, с. 150, 174; 5, с. 148, 155]. Вторые элементы *-a-*, *-ō-* сложных основообразующих формантов маркируют родовые отношения.

Парадигма имен существительных в германских языках представляет собой восемь основных и несколько вторичных вариантов склонения: особенности каждого варианта были обусловлены структурой лексической основы, определявшей построение словоформ, образующих парадигматический ряд [6, с. 71]. У большинства имен существительных словоформа имела трехморфемную структуру – *корень + основообразующий суффикс (формант) + словоизменяющий аффикс*. В парадигмах этого типа лексическая основа выступала в нескольких вариантах: ср. готское им., вин. п., ед. ч. *kunī* «род»; род. п. ед.ч. *kun-j-is*.

М.М. Гухман отмечает, что не только словоизменяющий маркер, но и огласовка лексической основы выступали в качестве различительного признака. «Внутри каждого морфологического варианта именной парадигмы та или иная ступень чередования была закреплена за соответствующей падежной формой» [6, с. 71]. Лабильность лексической основы в именных парадигмах обуславливает про-

дуктивность сложных маркеров типа готского *kun-j-is* «род», где показателями род. п. ед.ч. является *-is*.

Изоморфность отсутствует в простом маркере формального состава и состава единиц плана содержания, например, простой маркер *-s-* в форме им. п. ед. ч. *þiu-s* «слуга» представлен одним морфом, но в его знаковую структуру включены граммемы числа, падежа и рода. Все это отражает более поздний период, что зафиксировано во всех древних германских языках, для которых типичным было совмещение в одном маркере нескольких граммем [6, с. 107].

По мнению М.М. Гухман, германские имена *ja-*, *jō-* основ представляют многочисленную группу существительных [3, с. 78]. На примере готской парадигмы кратко- и долгосложных образований рассмотрим их склонения:

м.р.	Краткосложные		Долгосложные	
	ср.р.	ед.ч.	м.р.	
им.п.	<i>harjis</i>	«войско» <i>kunī</i>	«род» <i>hairdeis</i>	«пастух»
род.п.	<i>harjis</i>	<i>kunjis</i>	<i>hairdeis</i>	
дат.п.	<i>harja</i>	<i>kunja</i>	<i>hairdja</i>	
вин.п.	<i>hari</i>	<i>kunī</i>	<i>hairdi</i>	
мн.ч.				
им.п.	<i>harjōs</i>	<i>kunja</i>	<i>hardjōs</i>	
род.п.	<i>harje</i>	<i>kunje</i>	<i>hairdje</i>	
дат.п.	<i>harjam</i>	<i>kunjam</i>	<i>hairdjam</i>	
вин.п.	<i>harjans</i>	<i>kunja</i>	<i>hairdjans</i>	

Под влиянием падежных форм род. и дат. п. ед. ч. и парадигмы мн. ч. *j* проникло в им. п. ед. ч., в чем проявлялся принцип парадигматического выравнивания. Отсюда мы получаем в готском языке форму *harjis* род. п., ед. ч. В остальных падежах история такая же, как и в долгосложных основах.

Элемент *-j-* был присущ косвенным падежам, как и в других консонантных основах. Поскольку показатель *-j-* первоначально не был в им. п., то маркированным являлся косвенный («активный») падеж, а немаркированным – прямой или им. п. («пассивный») падеж.

По образцу склонения существительного *harjis* идут еще только два имени существительных м. р.: *niþjis* «родственник» и *andastþjis* «противник».

	Долгосложные		Краткосложные	
	ед.ч.			
им.п.	<i>bandī</i>	«оковы»	<i>banja</i>	«рана»
род.п.	<i>bandjōs</i>		<i>banjōs</i>	
дат.п.	<i>bandjai</i>		<i>banjai</i>	
вин.п.	<i>bandja</i>		<i>banja</i>	
мн.ч.				
им.п.	<i>bandjōs</i>		<i>banjōs</i>	
род.п.	<i>bandjō</i>		<i>banjō</i>	
дат.п.	<i>bandjōm</i>		<i>banjōm</i>	
вин.п.	<i>bandjōs</i>		<i>banjōs</i>	

Как видно из примеров, окончания различаются в им. п. ед. ч. Такое различие окончаний *-i* и *-a* можно связать со структурным построением: окончание *-i* представлено в готском *bandi* – долгосложном образовании, а окончание *-a* в готском *banja* – краткосложном образовании. В готском, также как и в других германских языках, данное различие не является исконным. Вероятно, в раннегерманском существовало противопоставление *jō*-основ *ō*-основам, закрепленное различными парадигмами. В позднегерманском, как и в других индоевропейских языках, различия между *ō*-основами и *jō*-основами стирались [3, с. 81; 4, с. 185]. И лишь в отдельных падежных формах продолжали сохраняться осколки прежней системы. В готском языке эти остаточные образования были втянуты в новую именную парадигматику.

Имена существительные в готском с основой на *-jō* можно разделить на две группы. Первая включает существительные с кратким гласным и простым согласным в корне, например: *ludja* «лицо»; *skalja* «чаша весов», «черепица», «кирпич»; *sibja* «родственные отношения», «родня»; *sunja* «правда», «истина»; *winja* «пастбище», «выгон» и другие. Многие ученые подчеркивали тот факт, что данное склонение не отличается от склонения с основой на *-ō* [12, с. 77; 3, с. 81; 5, с. 160].

С нашей точки зрения, это совпадение происходит формально, поскольку имеются в виду падежные показатели, а не морфологическая структура данного основообразующего форманта *-jō*.

Во вторую группу входят имена существительные многосложные, а также с долгим гласным, дифтонгом или скоплением согласных в корне, например: *aihvatundi* «терновник», «репейник»; *aqizi*; «топор»; *eisarnabandi* «оковы»; *foṭubandi* «кандаль»; *frijōndi* «подруга»; *gabundi* «связь»; *haiṗi* «степь», «невозделанное поле»; *jukuzi* «ярмо, гнет», «перевал»; *wasti* «одежда» и другие. Кроме того, сюда же относятся существительные с кратким гласным: *mawi* «девушка»; *ṗiwi* «служанка»; *awi* «овца».

Некоторые лингвисты отмечают, что основообразующий элемент, представленный между корнем и флексией, может интерпретироваться двояко: его можно рассматривать либо как самостоятельную морфему, либо как часть нового форманта [8, с. 215; 9, с. 208]. Например, род. п. ед. ч. готских имен *har-j-is* «войско»; *kun-j-is* «род»; *band-j-ōs* «оковы»; дат. п. мн. ч. *har-j-am*, *kun-j-am*, *band-j-ōm*, где выясняется отношение данных слов к роду с помощью элементов *-a-*, *-ō-*: *harjam* – м. р., *kunjam* – ср. р., *bandjōm* – ж. р. Элемент *-j-*, функционируя в косвенных падежах, определяет тип основ: *har-j-am* (*ja*-основа), *kun-j-am* (*ja*-основа), *band-j-ōm* (*jō*-основа), поскольку «означающее индоевропейского

корня определяется только консонантными элементами» [10, с. 39].

Различия в построении парадигмы по родовому признаку в отдельных германских языках указывают на то, что родовая дифференциация появилась уже в эпоху раздельного существования отдельных групп германских диалектов, хотя эта тенденция характерна для общегерманского и общеиндоевропейского периода [4, с. 140]. В одних основах в праиндоевропейском языке группируется больше слов мужского рода, в других – женского рода, некоторые основы содержат все три рода. Так, в готском языке существительные мужского и среднего рода относятся к *ja*-основам, а имена женского рода – к *jō*-основам [11, с. 104, 110; 12, с. 77; 3, с. 79].

Известно, что классификация по основам является более древним типом, чем классификация по родам [20, с. 66]. Э.А. Макаев правильно утверждал, что в германских языках деление существительных по родам не заменяет деление их по основам [7, с. 44]. Можно согласиться с такой постановкой вопроса в том случае, когда показатели стали выражать род. Однако это касается не сложных основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-*, а только их гласных элементов, поскольку показатель *-j-* к тому времени уже перестал играть первичную роль.

Во многих случаях трудно установить первоначальное значение основообразующих формантов, поскольку своей большей частью они потеряли значение еще в далекие дописьменные времена, а также некоторые имена переходили из одного типа склонения в другой. Так, например, готское имя *kuni* «род» перешло из склонения имен с основой на *-i* в склонение имен с основой на *-ja*. По нашему мнению, показатель *-j-* сложных основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-* мог использоваться самостоятельно. Относительно первоначальных значений формантов можно сказать, что некоторые из них все же известны. На определенном этапе развития германских языков консонантные форманты, являясь словообразовательными, играли роль маркеров одушевленности или активности [1, с. 69].

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что именно такую роль и выполнял показатель *-j-* сложных основообразующих формантов *-ja-*, *-jō-*.

Индоевропейскими моделями действующего лица являются германские *ja*- и *n*-основы [4, с. 100, 15, с. 138]. Широкое распространение среди категории имени действующего лица получили существительные с основой на *-ja*, поскольку показатель *-j-* обладал значением одушевленности. Большое количество существительных, образованных с помощью *-ja-* в готском языке, указывает на продуктивность данного форманта, например: *asneis* «поденщик»; *ragineis* «советник»; *siponeis* «ученик»;

lekeis «врач»; *fauramapleis* «начальник»; *witodafasteis* «блюститель закона» и другие.

В других германских языках основообразующий формант *-ja-* также широко представляет модели имени действующего лица, особенно в др.-исл. *nomina agentis*.

Довольно продуктивным суффиксом модели действующего лица являлся готский основообразующий формант *-jan-*, например: *arbja* «наследник», *aurtja* «виноградарь», *baurgja* «городской житель», *bandja* «пленник» и т.д. В составе сложного форманта наиболее прозрачен показатель *-n-*, который в готском еще не утратил значения одушевленности. Поэтому показатель *-n-* можно с полным правом назвать маркером одушевленности [2]. Известно также, что он является в то же время и суффиксом *nomina agentis*. Кроме *-n-* в основообразующий формант *-jan-* входит показатель *-j-*, который, видимо, выделял имена в особый одушевленный класс.

Возможно, что значение одушевленности закрепилось за этими формантами в силу того, что они были свойственны *nomina agentis* [16, с. 10]. Включая сему одушевленности, показатели *-n-*, *-j-* постепенно начинают присоединяться к именам, которые не являлись *nomina agentis*, но семантика которых не противоречила значению одушевленности. На этой основе данные показатели превратились в формальные признаки этих склонений.

В готском языке существительные с основой на *-jōn* образуют три подгруппы: конкретные – 11, абстрактные – 8, одно существительное с собирательным значением. Существительные *jōn*-основ как бы перекидывают мост от *ōn*-основ к *ein*-основам. Соответственно часть из них тяготеет к *ein*-основам – это абстрактные существительные, в основном производные [3, с. 87–88, 17, с. 21–22], т.е. более поздние образования. Некоторые из них, например: *raþjō* «счет», *ga-timrjō* «здание», образованы от основы настоящего времени активных готских глаголов – *raþjan* «считать», *timrjan* «возводить». Следовательно, первоначально данные существительные могли обозначать предметы или понятия, передающие активный процесс, действие.

Конкретные имена *jōn*-основ являются или явными заимствованиями, как, например, *aiwaggeljō* «проповедь», или простыми словами по своей структуре, в основном обозначающими живых существ или активных объектов, например: *arbjō* «наследница», *brunjō* «панцирь, броня», *garunjō* «поток, вода, наводнение», *niþjō* «родственница», *skaurpjō* «скорпион». Заимствования можно было бы не принимать во внимание, так как они могли быть причислены к *jōn*-основам по чисто формальным признакам. Однако исследование употребления существительного *aiwaggeljō* показывает, что это слово также встречается и в склонении существ-

вительных *ja*-основ ср. р., *aiwaggeli* «проповедь». В этом отношении интересны два готских отрывка: *amen, qiþa izwis: þishv aruh þei merjada so aiwaggeljō and alls manaseþ, jah þatei gatawida so rodja dad u gamundja izos* (Mc. XIV) «Истинно говорю вам: где не будет проповедоваться это евангелие и все человечество, и которое сделало это (как говорится) в память свою».

sildaleikja ei swa (swe) sprauto afwandjanda af þamma labondin izwis in anstai Xristaus du anþaramta aiwaggelja (G. I, 6) «Удивляюсь, что так быстро изменяете себе от призывающего вас благодарения Христова к другому (евангелию или вере)» [18].

Следовательно, при отнесении готских существительных к разным основам играло роль их текстовое значение, т.е. насколько оно выражало значение определенности, а отсюда и выбор существительного той или иной основы.

В готском языке существует целый ряд существительных, которые с синхронной точки зрения не ощущаются как имена действующего или одушевленного лица, но восстанавливаются как таковые этимологическим путем.

В лингвистической литературе распространенным является мнение о том, что группа существительных *wa-*, *wō-*основ является весьма малочисленной. В трудах многих германистов прослеживается история данных основ [12, с. 75; 3, с. 78, 81; 5, с. 155, 156, 160; 4, с. 174, 187], но имеющийся материал не касается структуры основообразующих формантов *-wa-*, *-wō-*, а также семантики существительных, объединенных данными формантами.

Мы также рассмотрим структуру *wa-*, *wō-*основ, проследим функционирование элемента *-w-* в склонениях готских существительных и определим его значение.

В индоевропейских языках *w* представляет собой сонант; в славянских языках *w* (согласное *u*) перешло в спирант *v*, однако такой переход совершился сравнительно поздно. Элемент *-w-* сохраняется в заимствованиях из германского языка; в незаимствованных словах слав. *v* восходит к старому *w*.

Поскольку основные типы именного склонения, устанавливаемые для древних славянских языков, обнаруживают определенные соответствия в других индоевропейских языках, то выделим некоторые закономерности именного склонения, характерные для древних славянских языков. Склонение с основой на *-u* в славянских языках имеет такие же формы, как склонение с основой на консонантный, т.к. элемент *-v-* встречается во всех косвенных падежах [19, с. 39–40]. Ранее в наших исследованиях отмечалось, что элемент *-w-* проявляет себя как согласный, входящий в состав сложных основообразующих формантов *-wa-*, *-wō-* [20, с. 24].

Анализируя склонения готских существительных *wa*-основ, можно выделить две группы, обусловленные особенностями развития элемента *-w-* в готском языке: 1. Долгосложные образования. 2. Краткосложные образования. В качестве примера приведем склонения долгосложных образований готских существительных с основой на *-wa*.

	м. р.		ср. р.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Им.	<i>aiws</i> «время»	<i>aiwōs</i>	<i>hlaiw</i> «могила»	<i>hlaiwa</i>
Род.	<i>aiwis</i> «вечность»	<i>aiwe</i>	<i>hlaiwis</i>	<i>hlaiwe</i>
Дат.	<i>aiwa</i>	<i>aiwam</i>	<i>hlaiwa</i>	<i>hlaiwam</i>
Вин.	<i>aiw</i>	<i>aiwans</i>	<i>hlaiw</i>	<i>hlaiwa</i>

Из приведенных примеров видно, что элемент *-w-* сохраняется во всех падежах. Перейдем к рассмотрению группы краткосложных образований.

	м. р.		ср. р.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Им.	<i>þius</i> «слуга»	<i>þiwōs</i>	<i>kniu</i> «колено»	<i>kniwa</i>
Род.	<i>þiwis</i>	<i>þiwe</i>	<i>kniwis</i>	<i>kniwe</i>
Дат.	<i>þiwa</i>	<i>þiwam</i>	<i>kniwa</i>	<i>kniwam</i>
Вин.	<i>þiu</i>	<i>þiwans</i>	<i>kniu</i>	<i>kniwa</i>

Представим склонение готского имени *wō*-основ на примере *triggwa* «завет», «верность».

	ед. ч.	мн. ч.
Им.	<i>triggwa</i>	<i>triggwōs</i>
Род.	<i>triggwōs</i>	<i>triggwō</i>
Дат.	<i>triggwai</i>	<i>triggwōm</i>
Вин.	<i>triggwa</i>	<i>triggwōs</i>

Учитывая парадигму склонения готских имен *wa-*, *wō*-основ, где *-w-* сохраняется, по крайней мере, в двух косвенных падежах, можно определить показатель *-w-* сложных основообразующих формантов *-wa-*, *-wō-* в качестве самостоятельного и наиболее древнего элемента. Поэтому в отдаленном прошлом, видимо, мог использоваться для маркировки определенного класса слов.

Что же касается принципов деления слов по основам, то они были непонятны. «Некоторые типы основ постепенно вымирали (например, согласные основы в германских языках), а слова, принадлежавшие ранее к этим основам, переходили в другие группы, более распространенные» [21, с. 59]. Поэтому многие лингвисты считают *wa-*, *wō*-основы вариантами более распространенных *a-*, *ō*-основ [3, с. 81; 5, с. 160; 4, с. 187]. Однако такое объединение происходит по формальным признакам, т.е. падежным окончаниям. Можно предположить, что основы на *-wa*, *-wō* относятся к особому типу, поскольку консонантный элемент *-w-* является самостоятельным и обладает определенной семантикой.

Рассматривая структуру имен *wan-*, *wōn*-основ, сразу можно выделить консонантные элементы *-w-*, *-n-*, где налицо двойная маркировка одушевленности с исторической точки зрения.

Группы существительных *wan-*, *wōn*-основ не-

многочисленны. Из проведенного анализа следует, что группа примеров готского языка с основами женского рода на *-wōn* составляет 7 слов, такое же количество существительных мужского рода относится к основам на *-wan*.

Приведем список имен с данными основами.

wan-основы		
1.	<i>allawaurstwa</i>	«совершенный»
2.	<i>bidagwa</i>	«нищий»
3.	<i>gawaurstwa</i>	«сотрудник»
4.	<i>skuggwa</i>	«зеркало»
5.	<i>sparwa</i>	«воробей»
6.	<i>waurstwa</i>	«рабочий»
7.	<i>wilwa</i>	«разбойник»
wōn-основы		
1.	<i>bandwō</i>	«знак»
2.	<i>gatwō</i>	«маленькая улица»
3.	<i>þeihvō</i>	«гром»
4.	<i>uhtwō</i>	«рассвет»
5.	<i>unwaurstwō</i>	«праздный»
6.	<i>wahtwō</i>	«бдение», «караул»
7.	<i>widuwō</i>	«вдова»

Как утверждает О.А. Осипова в своей работе, все существительные *wan*-основ могут обозначать одушевленные денотаты в понятии древних [2]. Из существительных *wōn*-основ только два обозначают активные имена: *widuwō* «вдова» и *unwaurstwō* «праздный». Судя по всему, последнее слово более позднего происхождения, так как образовано от готского существительного *waurstw* «работа, дело», которое, в свою очередь, восходит к активному глаголу *waurkjan* «работать, делать» [22, с. 155, 165].

По индоевропейскому понятию одушевленности у древних сюда же можно отнести готские имена типа *uhtwō* «рассвет» и *þeihvō* «гром». Что же касается оставшихся существительных, то они обладают реляционной семантикой.

Малое количество существительных женского рода с основами на *-wōn* и их неоднородный состав в семантическом плане позволяют предположить, что «в них слилось несколько вариантов индоевропейских основ» [2, с. 67].

Таким образом, можно заключить, что основообразующие форманты *-wan-*, *-wōn-*, как и *-wa-*, *-wō-*, являются сложными и по структуре, и по значению. Во-первых, они состоят из консонантных *-w-*, *-n-* и гласных элементов *-a-*, *-ō-*. Во-вторых, показатель *-w-* теряет значение одушевленности, а *-n-* сохраняет его. В данном случае речь идет о двойной маркировке одушевленности, поскольку для индоевропейских языков характерно явление плеоназма, когда для выражения одного значения существует много средств [23, с. 8]. Гласные элементы *-a-*, *-ō-* данных формантов показывают более поздние родовые отношения.

Итак, сопоставляя *ja-*, *jō-*, *wa-*, *wō-* основы с *jan-*, *jōn-*, *wan-*, *wōn-* основами, все больше убеждаемся в древнем происхождении консонантных формантов *-j-*, *-w-*, поскольку морфологическая структура слова позволяет выявить более ранние элементы. Функционирование элементов *-j-*, *-w-* в склонениях готских существительных четко проявляется в данных сопоставляемых основах. Основообразующие форман-

ты *-ja-*, *-jō-*, *-wa-*, *-wō-*, *-jan-*, *-jōn-*, *-wan-*, *-wōn-* в основном объединяли имена активного/одушевленного класса. Мы относили их к одушевленным именам за счет консонантных формантов *-j-*, *-w-*, *-n-*. Гласные же элементы показывают принадлежность к роду: *-a-* – отношение к мужскому и среднему, *-ō-* – к женскому роду. Эти родовые отношения появились на более позднем этапе развития именной классификации.

Литература

1. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
2. Осипова О.А. Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
3. Гухман М.М. Готский язык. М., 1958.
4. Сравнительная грамматика германских языков / Ответ. ред. М.М. Гухман и др. Т. 3. М., 1963.
5. Задорожный Б.М. Порівняльна фонетика і морфологія готської мови. Львів, 1960.
6. Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
7. Макаев Э.А. Вопросы именной склонения в древних германских языках // Тр. ин-та языкознания АН СССР. Вопросы германистики. М., 1959. Т. 9.
8. Dokulil M. Tvošenn Slov v Ieľtīm. Praha, 1962.
9. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М., 1971.
10. Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988.
11. Jellinek M.H. Geschichte der Gotischen Sprache. Berlin und Leipzig, 1926. IX.
12. Krahe H. Historische Laut und Formenlehre des Gotischen. Heidelberg, 1948.
13. Гухман М.М. Приемы сравнительно-исторического изучения словоизменения // Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956.
14. Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
15. Анацкий И.Н. Модели имени действующего лица в германских языках // Проблемы морфологического строя германских языков. М., 1963.
16. Осипова О.А. Типология как один из методов лингвистической реконструкции // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: Сб. научн. тр. Т. 2. Томск, 2004.
17. Kluge F. Nominale Stammbildungslehre der Altgermanischen Dialekte. Dritte Auflage, Max Niemeyer Verlag. Halle, 1926.
18. Streitberg W. Die Gotische Bibel. Heidelberg, 1910. Bd. 3. XLVI.
19. Казанцева Т.Ю. Сложные основообразующие форманты в готском языке // Проблемы историко-типологических исследований германских языков в лингво-этническом аспекте: Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2000. Вып. 4.
20. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
21. Десницкая А.В. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
22. Uhlenbeck C.C. Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Amsterdam, 1896.
23. Осипова О.А. О явлениях исторического плеоназма в структуре готских существительных // Проблемы историко-типологических исследований германских языков в лингво-этническом аспекте: Вестн. Иркутского гос. лингв. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2000. Вып. 4.